

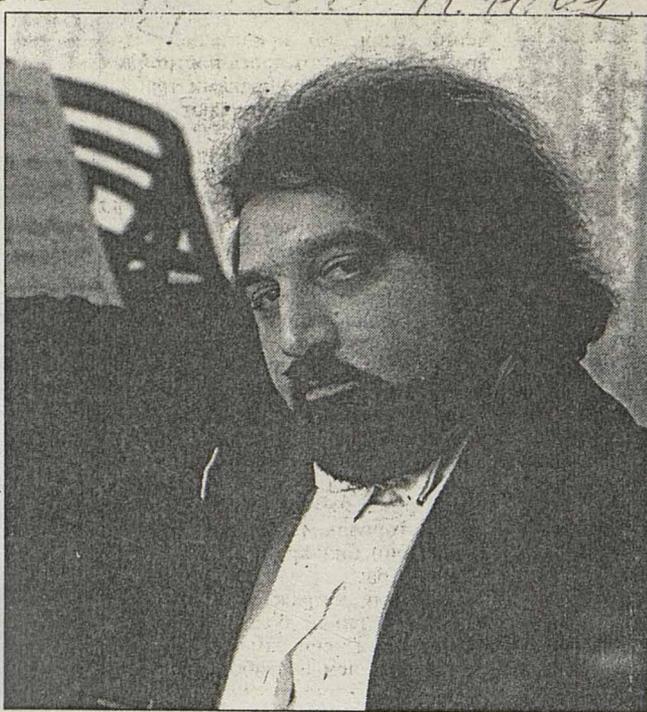
— У вас карьера типичного московского пианиста на переломе веков. Мама — ученица Игумнова и педагог Центральной музыкальной школы при Московской консерватории, а вы — ученик прославленных педагогов Евгения Тимакина, Глеба Аксельрода, Якова Флиера, лауреат международных конкурсов. Накатанная дорога — концерты, записи, гастроли... И вдруг новые времена, всеобщая музыкантская нищета, попытка стать самому себе продюсером, и... И так подкатили полвека, тридцать из которых на сцене. Что для вас значат эти юбилеи?

— Итог. Период полураспада. А вообще-то просто повод лишний раз сыграть в любимом мною Большом зале Московской консерватории. В первом отделении — Первый концерт Чайковского, потому что это великий концерт и первый концерт, который я играл в жизни с

ролями. Но сегодня это очень большая проблема. Каждому артисту, как известно, надо хотя бы раз в году выступать на родине, дома. Но с меня требуют огромных денег, чтобы я имел такую возможность. Артист должен заплатить за возможность сыграть на сцене Большого зала консерватории.

— Объясните, а зачем музыкант должен играть у себя на родине хотя бы раз в году? Если родина не хочет, то зачем?

— У человека, когда он выступает на сцене, возникает публика. И она должна время от времени следить за тем, что он еще сделал. Если долгое время музыкант не появляется на площадке, его публика потихонечку забывает своего артиста. Вот и все. У нас в Москве есть две площадки, где обязательно надо играть, чтобы тебя не забыли: Большой зал консерватории и Зал имени Чайковского. Соб-

Сергей МУСАЕЛЯН:

МОСКВА — ПО-ПРЕЖНЕМУ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЦЕНТР МИРА

Ирина Велетц, - 2001, - 5 - 11.10.01, - с. 2

Накануне своего юбилея, 19 октября, Сергей Мусаелян открыл для себя новый столичный концертный зал — в квартире Святослава Рихтера на Большой Бронной. Он редко дает концерты, но, когда это случается, всегда бывает в точку: тот, кто ценит элегантность классики, исполняемой в стиле московской игумновской пианистической школы, получит удовольствие. На сцене не будет поделок, неоправданных экспромтов с текстами великих композиторов, вы застрахованы от халтуры, к которой ухо отечественных ценителей музыки уже несколько по привыкло в последнее десятилетие...

Но чтобы что-то делать в нашей стране, надо быть в тусовке

оркестром. Во втором — произведения из репертуара Владимира Горовица, те, что были коньком его репертуара. Горовиц — мой учитель, хотя я никогда у него не учился.

— Каждый в жизни выбирает свою собственную опору, дающую ощущение благополучия. Из чего состоит ваше благополучие?

— Только в последнее время я понял, что есть три момента в жизни, которые составляют мою личную внутреннюю Троицу: Бог, Музыка, Семья. Именно в таком порядке. Троица. Наличие хотя бы двух компонентов даст мне ощущение благополучия. У меня бывали моменты, когда я оставался наедине с Богом, теряя Музыку и Семью, — и жизнь не получалась, не было счастья и полноты земного существования. Наверное, Бог и Семья могли бы восполнить жизнь без Музыки. Но не так полно...

— А деньги, карьера?

— Теперь я знаю: они не являются определяющими в ощущении мною счастья, покоя и личной состоятельности. Просто деньги — хороший инструмент для осуществления задуманного. Однако мои идеи все равно не носят коммерческого характера, у меня это не получается.

Я был бы счастлив, если бы у меня был менеджер, который занимался бы моими гас-

твенно, других реальных высококлассных концертных площадок у нас и нет. Тем не менее Москва — музыкальный центр мира, и Большой зал консерватории входит в лучшие залы мира.

— Вы верите, что Москва — музыкальный центр мира?

— Да, вопреки всему. Что бы ни пытались сделать телевидение, выгнав с экрана классику и заполонив его попсой, московская публика продолжает оставаться одной из самых требовательных и изысканных. И именно это означает, что мы — музыкальный центр мира.

— Объясните, что значит платить деньги, чтобы сыграть?

— Все коммерциализировано. Аренда колеблется от 1800 до 4000 долларов — это собственно аренда, без рекламного пакета: афиш, расклейки, анонсов и т.д. Но взять один зал — очень мало для концерта. Нужно заплатить оркестру. Хороший оркестр стоит от 4000 до 7000 долларов за одно выступление, а я к тому же требую три-четыре репетиции перед концертом. И нужно заплатить за репетиции, и требуются настройщики...

Выйти на сцену в России можно либо через суперзнакомства (то есть по-прежнему, по советски), либо имея большие деньги.

— Как классическому музыканту — молодому и не очень —

найти сегодня своего импресарио?

— Поиск импресарио — это Его Величество Случай. В свое время, при союсистеме, был единый целенаправленный импресариат, назывался он Госконцерт. Без протекции попасть в него было крайне сложно. Я не сумел, мне даже протекция Рихтера не помогла. Почему это происходило, не знаю, — у меня были за плечами и конкурсы, и звания, и соответствующая концертная форма. Думаю, в музыкальном мире существует та же коррупция, как и во всей нашей стране. Если ты не хочешь играть в эти игры, то тебе очень трудно попасть в обойму.

У меня только один раз в жизни был настоящий импресарио. Он услышал меня случайно и решил заняться моими делами. Он был очень известным журналистом, работал в самой большой газете Хельсинки, переводил и писал книги о музыке.

— А где он вас услышал?

— Мы познакомились в Большом зале консерватории на концерте. После него Сеппо сказал, что хотел бы пойти куда-нибудь в гости, выпить чаю. Мы пошли к моей подружке, там сидела компания и слушала поп-музыку. Сеппо взмолился, что не может слушать такую музыку. А у этой девушки оказались только мои классические

кассеты. Она их и поставила. Сеппо заинтересовался и спросил: «Кто это?» Нам стало неудобно, мы ответили: «Это ранняя запись Горовица». На что человек таких знаний, как Сеппо, сказал: «Я знаю раннего Горовица, это не он». Тогда мы ему подарили эту кассету, и он уехал в Финляндию. Через месяц Сеппо позвонил и говорит: «Я во всех библиотеках поискал, у Горовица нет такой записи». И я признался в обмане. Через месяц он мне устроил концерты в Хельсинки. И долго помогал мне с гастролями.

Пять лет назад Сеппо покончил жизнь самоубийством, написав книгу мемуаров. Поставив в ней последнюю точку, он попрощался... Причины его самоубийства неизвестны. Больше никаких других серьезных связей у меня не образовалось. Сам за себя я никогда не просил и не прошу.

— Но как сегодня это все построено? Ты идешь в продюсерский центр, предлагаешь себя... И что дальше?

— Для классической музыки в России сегодня такой системы нет — профессиональной раскрутки классических музыкантов. Каждый сам себе менеджер. Дорога к месту концерта очень дорогая, как на Западе. Аренда зала тоже. Гостиница — как на Западе по цене. Все рекламные услуги, сопровождающие концерт, тоже. Все, кроме зарплат людей, которые приходят на концерты. Они не могут платить сравнимые с Западом цены за билеты. И поэтому, если они у нас колеблются от 2 до 5 долларов, а на Западе от 20 до 50, невозможно не то что окупить классический концерт — нельзя даже рассчитывать на продажу билетов как на коммерческое мероприятие. В результате у нас все концерты благотворительные.

Конечно, есть в стране своя классическая обойма, и ее муссируют туда-сюда. Попасть в эту обойму прямым музыкальным способом практически невозможно.

К сожалению, чтобы что-то делать в нашей стране, надо быть в тусовке.

— Вы продолжаете утверждать, что Москва — музыкальный центр мира?

— Москва имеет Большой зал консерватории. Сыграть в нем — наслаждение и удовольствие, он акустически уникален. Поэтому многие готовы играть только за афишу, бесплатно, и приезжают бесплатно.

— Быть может, вообще не играть, если таковы условия?

— Не играть невозможно. Я — тот самый человек, который не может заниматься ничем другим, кроме музыки. А в БЗК все — акустика, инструменты, дух, особая публика — помогает играть ту музыку, которая больше нигде не получится.